

О.Р. ГАРНИ

ХЕТТЫ

РАЗРУШИТЕЛИ ВАВИЛОНА

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

О. Р. Гарни

Хетты. Разрушители Вавилона

«Центрполиграф»

1952

УДК 94.3
ББК 63.3(0)3

Гарни О. Р.

Хетты. Разрушители Вавилона / О. Р. Гарни —
«Центрполиграф», 1952 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-9524-5411-8

В книге собран уникальный материал по истории древнего Хеттского царства, занимавшего обширную территорию Малой Азии. Данные археологических исследований знакомят с военной политикой хеттов, путем военных экспансий «сделавших моря своими границами», с культурой и религией этого загадочного народа.

УДК 94.3
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-9524-5411-8

© Гарни О. Р., 1952
© Центрполиграф, 1952

Содержание

Предисловие автора	6
Введение	7
Глава I	15
1. Древнейший период	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

О. Р. Гарни

Хетты. Разрушители Вавилона

Посвящается моему дяде, Джону Гарстангу

O.R. GURNEY
the HITTITES

Предисловие автора

В этом скромном труде, созданном по предложению профессора М.Э.Л. Мэллоуэна, дан краткий обзор доступных нам на сегодняшний день сведений об истории и цивилизации древних хеттов. Автор ни в коей мере не претендует на оригинальность. Подавляющее большинство содержащихся здесь выводов почерпнуто из немецких и французских монографий, вышедших в свет за последние 25 лет. Однако синтез этих результатов на английском языке не опубликован до сих пор, поэтому есть основания надеяться, что эта книга принесет читателю некоторую реальную пользу.

Сердечно благодарю всех, кто оказал мне помощь в работе над книгой. Фотографии для иллюстраций на вклейках выполнили д-р Г. Оттен, представитель Берлинского государственного музея, д-р Хамид З. Кошай, г-жа Нимет Езгюч, профессор Г.Т. Боссерт, профессор Дж. Гарстанг, директор Лейденского национального музея древностей, хранитель Музея Ашмола, и г-н Р.А. Кроссленд. Кроме того, профессор Гарстанг великодушно предоставил в мое распоряжение рисунки, первоначально выполненные для его книги «Хеттская империя». Особую признательность я выражаю профессору А. Гетце, позволившему мне ознакомиться с машинописным текстом его статьи о предшественниках царя Суппилиуму, которая в то время еще только готовилась к печати. Глава «Право и социальные институты» своим появлением на свет во многом обязана советам и руководству сэра Джона Майлза. Профессор Гарстанг не только снабдил меня ценными материалами, но и оказывал мне поддержку на всех этапах работы над книгой, в особенности при чтении корректуры. И в заключение я хотел бы выразить глубокую признательность моей матери, г-же С.Дж. Гарни, всемерно помогавшей мне в работе над этой книгой.

Введение

Открытие хеттской цивилизации

В Ветхом Завете хетты («хеттеи») упоминаются главным образом в числе нескольких народов, обитавших в Палестине к тому времени, когда сыны Израилевы возвратились в Землю обетованную из Египта. Общеизвестны перечни народов, населявших Палестину, такие, как приведенный в Быт., 15:19–21 (кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, ферезеи, рефаимы, аморреи, хананеи, гергесеи и иевусеи) или, более краткий, в Иис. Нав., 3:10 (хананеи, хеттеи, евеи, ферезеи, гергесеи, аморреи и иевусеи). Аналогичные представления о хеттах как об одном из коренных народов Палестины отражены в эпизоде, повествующем о том, как Авраам покупал у «сынов Хетовых» пещеру Махпела близ Хеврона (Быт., 23), в упоминаниях о хеттеянках – женах Исава (Быт., 26:34 и Быт., 36:1–3) и о Хете, сыне Ханаана (Быт., 10:15), а также в образном описании Иерусалима как незаконнорожденного отпрыска аморрея и хеттеянки (Иезек., 16:3). В Числ., 13:30 указывается, в какой именно области Палестины обитали хетты: «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе, Хананеи же живут при море и на берегу Иордана». А в Иис. Нав., 2–4, по-видимому, подразумевается, что хетты занимали всю территорию от Ливана до Евфрата, хотя смысл этого фрагмента не вполне ясен.

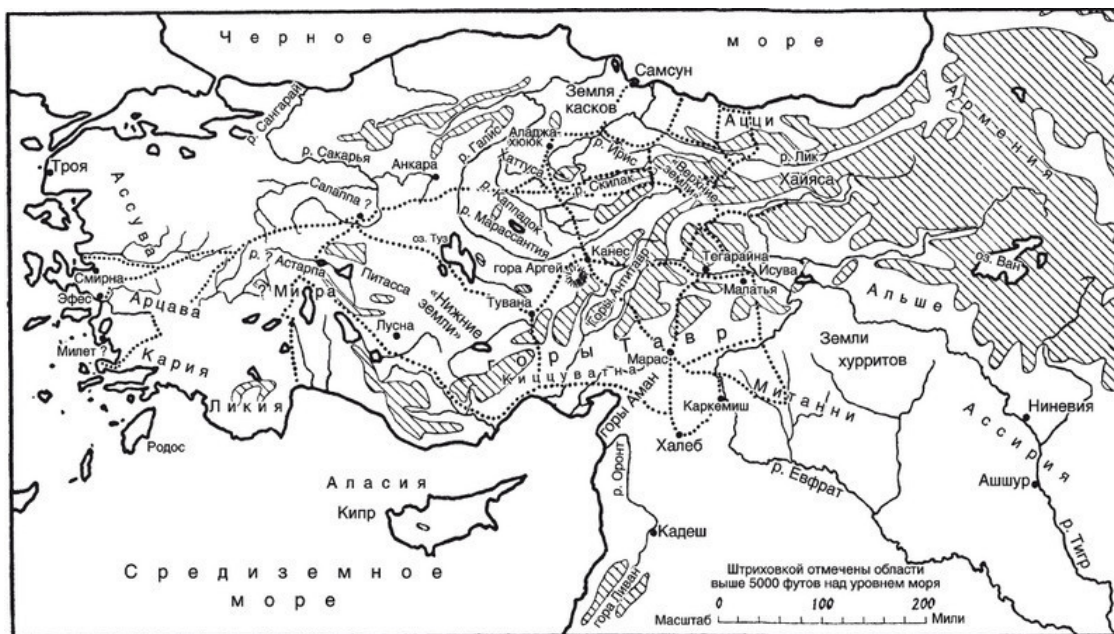

Рис. 1. Карта Малой Азии

Ни одно из этих ранних упоминаний не позволяет предположить, что хетты играли сколько-либо более важную роль, чем, к примеру, те же гергесеи или иевусеи. Однако в период монархии перед нами предстает уже совсем иная картина. Хеттеянки, которых брал в жены царь Соломон (3 Цар., 11:1), именуются «чужестранными женщинами» и стоят в одном ряду с моавитянками, аммонитянками, идумеянками и сидонянками. Более того, в двух эпизодах упоминаются «Хеттейские цари». В 2 Пар., 1:17 сообщается, что Соломон ввозил коней из Египта и продавал их «царям Хеттейским и царям Арамейским», а в 4 Цар., 7:6–7 повествуется о том, как сирийские воины, услышав ржание коней и стук колесниц, сказали друг другу: «Верно, нанял против нас царь Израильский царей Хеттейских и Египетских...» И встали, и

побежали в сумерки...» Очевидно, что цари, способные внушить такой страх, имели далеко не только местное значение.

Когда были расшифрованы египетские исторические хроники, стало известно, что с того времени, как Тутмос III в XV в. до н. э. одержал ряд побед в Северной Сирии и пересек Евфрат, фараоны XVIII династии поддерживали отношения с государством, именуемым «Хета». Жители Хеты и их многочисленные союзники сражались против Рамсеса II при Кадеше на реке Оронт (ныне р. Эль-Аси), в великой битве, которую подробнейшим образом описал египетский поэт Пентавр; позднее Рамсес заключил с этим народом договор, текст которого был высечен на стене главного храма в Карнаке. Кто мог усомниться, что «жители Хеты» из египетских текстов и «хеттеи» Ветхого Завета – один и тот же народ? Казалось, в пользу этого говорят и ассирийские клинописные надписи, с началом расшифровки которых обнаружилось, что со времен Тиглатпаласара I (ок. 1100 года до н. э.) ассирийцы знали Сирию как «страну Хатти» со столицей в Каркемише. И никого не смущали указания на то, что хеттские поселения могли существовать в Палестине еще в период израильской оккупации или даже раньше, во времена Авраама.

Такое положение дел в хеттологии сохранялось вплоть до 1876 года, когда А.Г. Сейс в докладе, прочитанном на заседании Общества библейской археологии, предложил считать хеттскими выполненные необычной иероглификой надписи на базальтовых блоках из Хамы (на р. Оронт, древний Хамат) и Алеппо (древний Халеб). Один такой камень из Хамы описал еще в 1812 году швейцарский путешественник Буркхардт, сообщивший в своей книге «Путешествия по Сирии», что в угол одного из домов на городском базаре был встроен «камень, покрытый множеством мелких рисунков и значков, – по-видимому, какое-то иероглифическое письмо, но на египетские иероглифы не похожее». Однако это сообщение не привлекло к себе особого внимания до тех пор, пока двое американских путешественников, Джонсон и Джессуп, не обнаружили в стенах домов в Хаме еще пять таких камней. Но из-за враждебности местных жителей снять с надписей надежные копии не удалось, и в распоряжение ученых эти тексты попали только в 1872 году, когда Уильям Райт, миссионер в Дамаске, посетил Хаму в сопровождении турецкого паши – наместника Сирии. Паша распорядился извлечь все пять камней из стен домов и отослать их в музей в Константинополь, но предварительно Райт снял с них слепки, один комплект которых был отправлен в Британский музей, а другой – в Фонд исследования Палестины.

Алеппский камень, встроженный в стену мечети, стал известен западному миру в 1871 году. В Алеппо ему приписывали целебные свойства, и поколение за поколением люди, страдавшие глазными болезнями, терлись о него лицом; в результате поверхность камня отполировалась и стала гладкой. Позднее местные жители извлекли камень из стены и спрятали, но через несколько лет вернули на прежнее место.

К тому времени Э.Дж. Дэвис обнаружил на большом наскальном рельефе над рекой в горах Тавра, близ Ивриза, надпись, выполненную таким же письмом, которое Дэвис назвал «хаматским». Эта находка, сочетавшая в себе изображение и текст, позволила Сейсу включить в ту же категорию целый ряд схожих памятников, обнаруженных за много лет в различных, подчас весьма удаленных друг от друга точках Малой Азии. Главное место среди них заняли остатки построек и наскальные рельефы, найденные в окрестностях Богазкёя и в Аладжа-хююке, в излучине реки Галис (ныне р. Кызылырмак), и описанные Шарлем Тексьером в 1839 году и Уильямом Гамильтоном в 1842 году. На уступе горного склона над Богазкёем сохранились массивные стены и валы, некогда, по всей вероятности, окружавшие стратегически важный укрепленный город, а в двух милях отсюда был обнаружен выход скальных пород, известный теперь под названием «Язылыкая» («Скала изваяний»). Стены естественного углубления в горном склоне здесь украшены горельефным изображением двух процессий, встречающихся в центре дальней стены. На территории города в Богазкёе стоял сильно выветрившийся

камень (Нишан-Таш) с хеттскими «иероглифами»; «иероглифические» знаки были найдены также на рельефах в Язылыкя. В Аладжа–хююке путешественники обнаружили ворота, фланкированные огромными сфинксами и ведущие к насыпи обломков и мусора, под которой, вне сомнения, скрывался некий древний город или большая постройка. К западу от ворот находились наскальные рельефы Гяур-Калеси («Крепости неверных»). В горах, возвышающихся над Смирной, также были высечены рельефы, известные еще со времен Геродота, который считал их изображениями нимфы Ниобы и египетского царя Сесостриса. В 1879 году Сейс лично посетил «Ниобу» и «Сесостриса», а в 1880 году выступил перед Обществом библейской археологии с еще одним докладом, в котором уверенно заявил, что и эти, и прочие анатолийские памятники скульптуры являются хеттскими и что вся горная страна, раскинувшаяся к северу от Месопотамии и целиком включающая Малую Азию, в древние времена была населена хеттскими племенами.

Благодаря этим выступлениям к проблеме хеттов пробудился большой интерес. В следующие 20 лет археологи посещали Турцию все чаще и чаще, и усилия их щедро окупались. В различных местностях, главным образом в горах Тавра и Антитавра, было обнаружено еще множество подобных образцов скульптуры. Выдающимися успехами увенчались экспедиции Гуманна и Пухштейна (1882–1883), Рамсея и Хогарта (1890), Шантра (1893), Хогарта и Хэдлема (1894), Андерсона и Кроуфута (1900). При раскопках в Каркемише, проведенных по поручению Британского музея в 1879 году, было найдено множество иероглифических надписей и других памятников. Стелу со схожими письменами нашли при раскопках в Вавилоне в 1899 году, и целый ряд памятников в том же стиле обнаружила немецкая экспедиция в ходе раскопок в Сенджерли (Северная Сирия) в 1888–1892 годах. В результате в 1900 году Л. Мессершмидт смог подготовить к публикации обширный свод хеттских надписей, включивший тексты с 96 памятников и еще множества печатей и оттисков (рис. 15, 16).

Тем временем история хеттов во многом прояснилась благодаря архиву документов, обнаруженному в 1887 году в Эль-Амарне. Эти глиняные таблички с клинописными текстами, написанными по преимуществу на аккадском языке, представляли собой дипломатическую и административную переписку египетских фараонов Эхнатона (за последние несколько лет правления) и его отца Аменхотепа III, в общей сложности охватывающую период приблизительно с 1370-го по 1348 год до н. э. Помимо упоминаний о «царе Хатти» и передвижениях его армии, часто встречающихся в посланиях от зависимых палестинских и сирийских правителей, в архиве содержалось одно письмо от самого Суппилулиумы I, «царя Хатти», в котором тот поздравлял Эхнатона с восшествием на престол. Кроме того, обнаружились два письма на неизвестном языке, одно из которых было адресовано царю страны Арцава. Изучив эти письма в 1902 году, норвежский ученый Й.А. Кнудтсон отметил явное сходство этого языка с языками индоевропейской семьи, однако в то время к его наблюдению отнеслись весьма скептически. Несколько текстовых фрагментов на том же языке нашел в 1893 году близ Богазкёя Э. Шантр.

К этому времени многие ученые поняли, что раскопки в Богазкёе, по всей вероятности, принесут богатые плоды. Концессию на исследование Богазкёя в конце концов удалось получить д-ру Хуго Винклеру, работавшему под эгидой Немецкого восточного общества, и в 1906 году он возглавил раскопки на этой территории. Результаты не только оправдали, но и далеко превзошли все ожидания. Археологи извлекли из раскопа царский архив, насчитывавший около 10 тысяч клинописных табличек. Большинство документов было написано на том же языке, что и письмо царю Арцавы, и не поддавалось расшифровке, но часть табличек содержала надписи на хорошо известном к тому времени языке Вавилонии – аккадском. Уже в ходе предварительного исследования этих текстов стало очевидно, что на месте раскопок действительно располагалась некогда столица «страны Хатти». Официальным же языком этого царства, по всей очевидности, был «арцаванский»; и «хеттским» теперь стали называть не только язык иероглифических писем из Хамы, но и язык этих клинописных «арцаванских» таб-

личек. Что касается датировки табличек, то в первый же сезон раскопок археологам посчастливилось найти документ, оказавшийся хеттской версией вышеупомянутого договора между Рамсесом II и царем Хатти, египетский текст которого был датирован двадцать первым годом правления этого фараона¹. Именно здесь, а не в Сирии находилась тогда столица «Великой Хеты», платившей дань Тутмосу III и сражавшейся, а после заключившей мир с Рамсесом II. В 1907 году Винклер опубликовал предварительный отчет о табличках из Богазкёйского архива, в котором привел список царей Хатти от Суппилиуму I (первая половина XIV века до н. э.) до Арнуванды III (конец XIII века до н. э.), после которого записи внезапно обрывались. Предполагалось, что на протяжении этих 200 лет каппадокийское Хеттское царство доминировало над малыми государствами хеттского союза, такими, как Каркемиш, Мелид и Хамат, упоминающимися в ассирийских хрониках, а около 1200 года до н. э. его завоевали мушки (фригийцы), во власти которых эту территорию ассирийцы застали в VIII веке, после чего прочие хеттские государства вновь обрели относительную независимость в рамках гегемонии Каркемиша. Но в дальнейшем мы увидим, что все хеттские царства, за исключением Каркемиша, существовавшие на территории Сирии в I-м тысячелетии до н. э., представляли собой новые государственные образования, возникшие уже после падения каппадокийской державы; однако надписи на камне Нишан-Таш, установленном в центре богазкёйской крепости, а также иероглифические знаки с оттиска печати на одной из клинописных табличек свидетельствуют о том, что традиция иероглифической письменности не прервалась.

Ценнейший свод результатов, достигнутых в области исследования хеттов и памятников хеттской культуры, опубликовал в 1910 году Джон Гарстанг, весной 1907 года лично совершивший большое путешествие по Малой Азии и посетивший д-ра Винклера в Богазкёе. В его книге «Страна хеттов» («The Land of the Hittites») обзор хеттских памятников дополняется описаниями той прекрасной местности, где они были обнаружены, и сопровождается краткой историей хеттов, изложенной на основании отчета Винклера. На протяжении многих лет труд Гарстанга оставался в своей области образцовым. В ходе раскопок под руководством Гарстанга в Сакча-Гези (Северная Сирия) были обнаружены украшенные барельефами развалины дворца, датированного концом неохеттского периода, однако пролить новый свет на историю хеттов эти находки не смогли, и даже древнее название этой местности до сих пор остается неизвестным.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, раскопки были приостановлены; кроме того, английские ученые были вынуждены прервать отношения со своими немецкими коллегами, которые в этот период как раз исследовали огромный массив первоисточников из Богазкёйского архива. Именно в военные годы в Германии вышла в свет первая монография по грамматике «клинописного хеттского» языка и состоялась первая факсимильная публикация хеттских текстов. И к тому времени, когда контакты между английскими и немецкими специалистами возобновились, уже существовал обширный список хеттологической литературы, от работы над которым английские ученые невольно остались в стороне. Но с другой стороны, в 1911–1914 годах коллекция Британского музея пополнилась множеством образцов каменной скульптуры и иероглифической письменности, обнаруженных второй экспедицией в Каркемиш, которая проводила раскопки под руководством Д.Дж. Хогарта, К.Л. Вулли (ныне сэр Леонард Вулли) и Т.Э. Лоуренса. Иными словами, если в Германии сложилась немецкая крупная школа хеттологии, ориентированная на изучение клинописных табличек, то в Англии небольшая группа энтузиастов сосредоточила усилия на дешифровке иероглифической письменности и исследовании хеттского искусства. Со своими попытками расшифровки выступили в печати Сейс, Коули и Кэмпбелл Томпсон. Но задача была слишком сложной, и труды их по большей

¹ В действительности «египетская» версия представляет собой перевод документа, составленного хеттами и отосланного в Египет, а «хеттская» версия – копию составленного египтянами документа на аккадском языке. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.)

части оказались тщетными. Ведь на тот момент был известен лишь один сколь-либо пригодный для работы двуязычный текст – так называемая «Розетка Таркондемоса» (фото 20b), серебряная накладная пластина с цилиндрической печати, о которой Сейс в 1880 году написал статью. Но она содержала всего десять клинописных и шесть иероглифических знаков; и, более того, сама клинописная надпись допускала несколько вариантов прочтения. Разумней было начать расшифровку с идентификации ряда топонимов и нескольких личных имен, встречающихся в современных хеттским ассирийских надписях. Этим путем пошли пятеро исследователей – немец Боссерт, швейцарец Форрер, американец Гельб, чех Грозный и итальянец Мериджи. Работая независимо друг от друга, они пришли к более или менее схожим результатам, определив фонетические соответствия иероглифов и общую структуру языка. Но понять, о чем говорится в надписях, так и не удалось: значение идеограмм не расшифровано, и словарный состав языка не восстановлен по сей день. Впрочем, двуязычная надпись из Кара-тепе (см. ниже) дает ценнейшую информацию, которая позволит сделать шаг вперед в решении этой проблемы.

В Берлине за изучение клинописных табличек из Богазкёя принялась по поручению Немецкого восточного общества группа ассириологов. Кроме того, как уже было упомянуто, началась факсимильная публикация клинописных текстов. И сенсационные лингвистические открытия не заставили себя долго ждать. В 1915 году Б. Грозный издал первый очерк грамматики хеттского языка и показал, что по структуре этот язык является индоевропейским, как и утверждал Кнутсон еще в 1902 году. Вскоре вышел в свет более подробный и проработанный труд того же автора под заглавием «Язык хеттов» («Die Sprache der Hethiher»). К сожалению, не будучи специалистом в области индоевропейского языкознания, Грозный перенес свой исходный тезис с грамматики на словарный состав и приписал хеттским словам произвольные значения, основанные всего лишь на созвучии со словами других языков индоевропейской семьи. В результате многие филологи отвергли его подход полностью, невзирая на то что в большинстве своих предположений Грозный был совершенно прав.

Коррективы в его работу внес в 1920 году Ф. Зоммер, выдающийся филолог, свободно читавший с листа печатные ассирийские тексты. Зоммер был убежден, что без строгой дисциплины достичь реальных успехов в расшифровке невозможно; приписывать слову какое-то определенное значение допустимо только на основе сопоставления всех известных контекстов, в которых оно встречается, решительно отвергая все соблазны ложных этимологий. Соблюсти столь жесткое требование удалось лишь благодаря тому, что хеттские тексты изобилуют так называемыми «аллографами»: широко распространенные хеттские слова писцы нередко заменяли шумерскими или вавилонскими, прибегая к особым аббревиатурам. Поскольку такие замены носили нерегулярный характер, в одном и том же тексте могли использоваться и аккадский, и шумерский эквиваленты одного и того же хеттского слова. И даже в тех случаях, когда мы не располагаем дубликатом текста с хеттскими словами на месте «аллографов», в рамках одного предложения нередко встречается так много аккадских или шумерских замен, что догадаться о значении остальных хеттских слов оказывается совсем нетрудно.

Некоторые ценные сведения удалось почерпнуть из фрагментов словарей – шумерских, аккадских и хеттских слов, выстроенных в параллельные столбцы. Но в целом эти словари принесли больше разочарования, чем пользы, так как они дошли до нас в очень плохом состоянии и содержат главным образом слова, редко встречающиеся собственно в текстах.

Установив с помощью вышеописанного метода значение некоторых общеупотребительных хеттских слов, исследователи получили возможность работать аналогичным способом и с другими предложениями, в которых эти слова встречались уже в своем первоначальном хеттском облике. Так, последовательно продвигаясь от известного к неизвестному, Зоммер и его коллеги Й. Фридрих, Г. Эгелольф и А. Гетце постепенно вывели наши познания в хеттском языке на уровень, позволяющий почти с полной уверенностью переводить без купюр тексты исторического содержания, хотя во многих религиозных и прочих текстах все еще остаются

фрагменты, не поддающиеся интерпретации. Уже к 1933 году относительно хорошо сохранившиеся исторические тексты в большинстве своем были тщательно проанализированы и переведены на немецкий.

Тем временем Э. Форрер с энтузиазмом взялся за реконструкцию хеттской истории. Независимо от Грозного он тоже составил очерк грамматики хеттского языка, но претендовать на честь первопроходца в этой области он не может. Зато ему удалось собрать и опубликовать в одном томе почти все исторические тексты, относящиеся к периоду Древнехеттского царства (см. ниже), а также восстановить полный, от начала и до конца, список царей Хатти. Эта работа в дальнейшем сыграла очень важную роль. Кроме того, широкую известность получила данная Форрером итоговая лингвистическая характеристика архива из Эль-Амарны, в текстах которого было выделено в общей сложности восемь языков. Но самой сенсационной из его работ стала опубликованная в 1924 году статья, в которой Форрер заявил, что обнаружил в хеттских памятниках ссылки на греков гомеровского периода (т. е. ахейцев) и даже упоминания таких конкретных личностей, как Андрей, Этеокл из Орхомена и Атрей из Микен. Несмотря на то что заявление это подкреплялось лишь неопубликованными источниками, многие ученые, в том числе и Сейс, приняли его с энтузиазмом. Однако Фридрих в статье, опубликованной в 1927 году, резко раскритиковал Форрера, после чего у многих исследователей эта проблема стала вызывать крайний скептицизм (как и индоевропейская гипотеза Грозного). И в этом случае задачу научного анализа всех относящихся к теме материалов взял на себя Ф. Зоммер. Результаты его исследований были опубликованы в монументальном труде «Документы Аххиявы» («Die Ahhijava-Urkunden») в 1932 году.

Первой попыткой синтезировать все полученные из текстов сведения о жизни и культуре хеттов стала статья «Хетты», написанная Грозным в 1929 году для 14-го издания энциклопедии «Британника». Но первое полностью документированное и систематическое описание хеттской цивилизации удалось сделать только Гетце в томе «Малая Азия» (1933) из мюллеровской серии «Справочники по Древнему миру» («Handbuch der Altertumswissenschaft»). Гетце разрешил эту задачу так уверенно и точно, что воздвигнутое им здание стоит неколебимо до сих пор, несмотря на то что за истекшее время были заполнены некоторые пробелы. Поэтому труд его с неизбежностью лег в основу данной книги, как и целого ряда предшествующих хеттологических трудов.

Первым выдающимся достижением в области хеттологии за пределами Германии стал труд Л. Делапорта «Основы хеттской грамматики» («Elements de la Grammaire Hittite»), опубликованный в 1929 году во Франции. В 1930 году по инициативе Л. Делапорта, Э. Кавиньяка и А. Жюре в Париже было основано Общество хеттских и малоазийских исследований, которое издает периодическое обозрение «Revue Hittite et Asiatique», посвященное проблемам исследования хеттской и анатолийской цивилизаций. Американский ученый Э.Г. Стертевант, глава группы филологов-индоевропейцев, интересовавшихся хеттским языком с компаративистских позиций, опубликовал в 1933 году труд «Сравнительная грамматика хеттского языка» («A Comparative Grammar of the Hittite Language»). Эта работа подверглась суровой критике за скороспелые гипотезы в области сравнительной этимологии. Но в качестве описательной грамматики, подведшей итоги трудам немецких ученых, она оказалась весьма своевременной и более удачной, чем все предшествующие попытки такого рода, включая и работу Делапорта. В области лексикографии аналогичную роль сыграл небольшой «Хеттский словарь» Стертеванта (2-е изд., 1935), дополнение к которому было опубликовано в 1939 году.

«Грамматика» Стертеванта удерживала ведущие позиции на протяжении семи лет. Академическая описательная грамматика хеттского языка вышла из-под пера одного из основоположников хеттологии только в 1940 году. Это был труд Й. Фридриха «Учебник хеттского языка» («Hethitisches Elementarbuch»), который, по всей видимости, еще долгое время останется в своем роде образцовым.

Исследования на территории расселения хеттов возобновились в конце 1920-х годов, чему благоприятствовали новые условия, сложившиеся в этих землях после крушения довоенного турецкого режима. Г.Г. фон дер Остен и И.Е. Гельб от Чикагского университета совершили ряд путешествий по Малой Азии и обнаружили множество памятников. Кроме того, фон дер Остен провел раскопки хеттского поселения на месте Алишара, где было положено начало серии гончарных изделий анатолийского века бронзы. Делапорт в 1932 году начал раскопки в Малатье. В самом Богазкёе раскопки возобновились в 1931 году под руководством К. Биттеля и продолжались год за годом вплоть до начала Второй мировой войны. На территории Сирии раскопки велись в Хамате (датская экспедиция под руководством Харальда Ингхольта), в Телль-Таинате (экспедиция из Чикаго) и в Телль-Атшане (под руководством Леонарда Вулли). Примечательно, что в этот период в работу во всех областях хеттологии все активнее стали включаться турецкие исследователи под руководством профессора хеттологии университета Анкары Г.Г. Гютербокка (в 1935–1948 годах)² и директора Отделения ближневосточных исследований Стамбульского университета Г.Т. Боссерта.

Именно профессору Боссерту и его турецким ассистентам мы обязаны открытием одного из важнейших хеттских иероглифических памятников – двуязычной надписи из Кара-тепе. На вершине этого кургана, расположенного высоко в предгорьях Тавра близ реки Джейхан (античный Пирам), сохранились руины неохеттской крепости, впервые привлёкшие внимание профессора Боссерта в 1946 году. Раскопки начались осенью 1947 года. Обнаружилось, что в крепости две привратные постройки, северная и южная, и к каждой ведет коридор, фланкированный каменными плитами с надписями. У обоих коридоров надпись на левой плите сделана на древнефиникийском языке, а на правой – хеттскими иероглифами. Содержание надписей на всех плитах одинаково, то есть перед нами – две копии одного текста на финикийском и хеттском иероглифическом языках. Еще одна копия финикийского текста высечена на статуе, которая была найдена лежащей на поверхности. Хеттский и финикийский тексты не идентичны, но очень близки по содержанию. Таким образом, это открытие сыграло важнейшую роль в изучении хеттских иероглифических надписей, несмотря на то что многие проблемы так и не разрешились. Остается только удивляться, что столь важный памятник ускользал от внимания исследователей так долго.

В дополнение необходимо упомянуть об американской экспедиции под руководством профессора Хетти Голдман, проводившей раскопки в Тарсе (Киликия) с 1935 года, об экспедиции профессора Джона Гарстанга, в ходе которой была частично раскопана хеттская крепость и найдены некоторые еще более древние материалы в Юмюк-тепе близ Мерсина, а также о турецких раскопках в Аладжа-хююке под руководством д-ра Хаида Коша и, впоследствии, в Кюльтепе и Кара-хююке под руководством д-ра Тахсина Езгюча. В Тарсе и в Аладжа-хююке было обнаружено по одной хеттской табличке. Клинописные надписи на многочисленных табличках, найденных в Кюльтепе, оставлены ассирийскими поселенцами.

Из вышесказанного явствует, что в силу ряда обстоятельств различные области хеттологии какое-то время развивались изолированно друг от друга. В результате у английской читающей публики хетты стали ассоциироваться скорее с иероглифическими надписями и каменными памятниками, чем с глиняными табличками и клинописными текстами из Богазкёя, которых в Великобританию попало не так уж много. С другой стороны, культуру, историю и язык анатолийского Хеттского царства рассматривали вне общего контекста хеттской цивилизации. Эта тенденция усугублялась тем, что эпохальный труд Гетце был посвящен исключительно Малой Азии как таковой. Гетце занял крайнюю позицию: он утверждал, что термин «хеттское» применим только к анатолийскому царству, а так называемыми «хеттскими памятниками» в действительности представлено искусство хурритов, а не хеттов. Правда, впослед-

² На смену профессору Гютербокку пришел турецкий хеттолог д-р Седат Альп, получивший образование в Германии.

ствии, после того, как утвердилось мнение, что «иероглифический хеттский» тесно связан, хоть и не идентичен, с «клинописным хеттским», возникла тенденция к синтезу, и теперь все чаще признают, что анатолийское и сирийское царства все же следует рассматривать как части единого целого. Тем не менее иероглифические надписи не расшифрованы до сих пор, а потому все наши знания о сирийских хеттах сводятся к общим представлениям об особенностях их искусства и отрывочным сведениям из истории их внешней политики. Сообщить нам нечто новое об образе жизни и образе мышления этого древнего народа в настоящее время способны только таблички из Богазкёя, и именно по этой причине анатолийскому царству мы уделяем в своей книге гораздо больше внимания, чем сирийскому. Надеемся, что достаточным оправданием этому послужит сама важность информации, содержащейся в клинописных текстах.

Глава I

Исторический обзор

1. Древнейший период

Мы видели, как в поисках хеттов ученые прошли Палестину и Сирию и наконец в 1907 году открыли столицу «страны Хатти» в Богазкёе, на севере Малой Азии. Последний этап этого путешествия ознаменовался переходом от сирийских равнин к горной стране, которая и оказалась родиной хеттов. Малая Азия (Анатолия) – это возвышенное плоскогорье, которое простирается от побережья Эгейского моря на западе до гор Армении на востоке и входит в состав обширной горной системы, тянущейся далее к востоку, а затем к югу вплоть до Индии. Наблюдателю с сирийских равнин эти северные горы представляются величественной стеной; древнеримские географы называли ее Тавром и считали своего рода природной границей, разделяющей весь мир к востоку от Средиземноморья на «внутреннюю» и «внешнюю» (то есть северную и южную) части. Но на вершине Анатолийского нагорья обзор в южном направлении преграждает только западный отрог Таврского хребта. На востоке же над местностью господствуют другие горы, в первую очередь гигантский конус потухшего вулкана Эрджияс– Даг (древний Аргей), вздымающийся на высоту более 12 тысяч футов, а за ним тянется далеко на северо-восток, вплоть до Армянского нагорья, гряда Антитавра. Хребет Антитавра служит водоразделом, отделяющим реки Анатолийского плато от водных артерий Месопотамии на востоке и Киликии на юге. Воды из неглубокого водоема, расположенного в центре плато, не находят выхода к морю и образуют Соленое озеро – Тузгел (оз. Туз). К северу от него местность пересекают несколько поперечных горных хребтов, отходящих от восточного массива, и только по мере приближения к Черному морю рельеф понижается. Из-за густых лесов, покрывающих горные склоны, этот регион издавна считался труднодоступным.

Река Кызылырмак, которую античные ученые называли Галисом, а хетты, вероятно, Марассантией, берет начало в восточных горах и на довольно протяженном участке течет на юго-запад, но вблизи Соленого озера поворачивает, огибая один из поперечных хребтов. Описав таким образом большую петлю, она меняет направление течения на противоположное и, прорезав северные горы в направлении на северо-восток, впадает в Черное море. Интересующая нас территория – область расселения хеттов – занимает излучину в среднем течении Галиса и равнину к югу от озера Туз. Со всех сторон эту местность окружают горы: к востоку от нее находятся Антитавр и Армянское нагорье, к югу – Тавр, а к западу и северу – горные кряжи, не образующие цельного массива. Приморских земель на севере и юге хетты со временем лишились, а западной частью полуострова долгое время, хотя и с перерывами, владело, по всей вероятности, соперничавшее с хеттами царство Арцава.

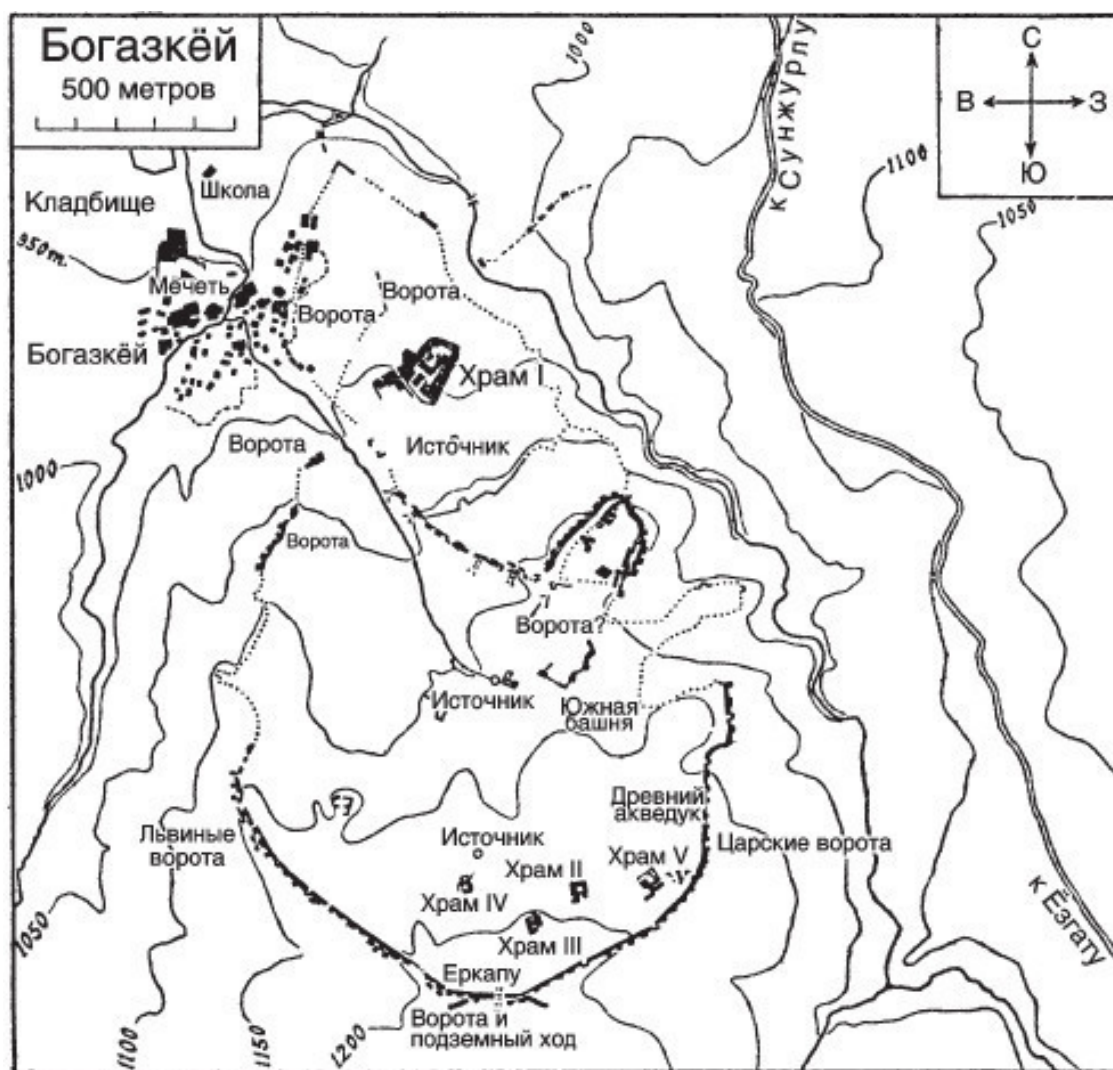

Рис. 2. План Богазкёя (Хаттусы)

Хаттуса, столица Хеттского царства, располагалась на северном склоне одного из поперечных горных хребтов, севернее которого уровень рельефа начинает понижаться по направлению к Черному морю. С вершины этого хребта по обрывистым, глубоким ущельям мчатся к северу два стремительных горных потока. В предгорьях, близ современного селения Богазкёй, они сливаются, обогнув горный отрог, на котором и находились древнейшие постройки Хаттусы. Это место – настоящая природная крепость. Отсюда открывается почти беспрепятственный обзор на северную долину (единственная преграда – следующая гряда Понтийских гор, пересекающая долину приблизительно в 15 милях к северу). Кроме того, неподалеку находится точка пересечения двух древнейших торговых маршрутов. Первый вел от побережья Эгейского моря через нижнее течение Галиса к Сивашу и далее на восток, второй – из черноморского порта Амис (Самсун) на юг до Киликийских ворот. Чтобы город превратился в центр целой сети стратегически важных дорог, оставалось только соединить его с этими маршрутами.

Государство, которое во 2-м тысячелетии до н. э. именовалось «страной Хатти», а позднее превратилось в могущественную империю, было создано царями, правившими этой горной твердыней. Это государство стало называться «Хеттским царством», а его официальный язык – «хеттским языком», и эти термины мы должны принять как данность. Однако следует иметь в виду, что этот язык не принадлежал к числу коренных наречий Малой Азии, а имя «Хатти» дал этой стране более древний местный народ, известный нам под омоничным названием «хатти». Индоевропейский хеттский язык, на котором говорили пришельцы-хетты, сме-

шался с неиндоевропейским хаттским – языком местного населения. Предполагают, что произошло это приблизительно в то же время, когда в других областях Анатолии утвердились другие индоевропейские языки – лувийский, палайский, ликийский и «иероглифический хеттский» (см. главу VI). Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что вплоть до вторжения на «землю Хатти» ни одно из пришлых индоевропейских племен не называло себя ни «хеттами», ни каким-либо иным именем, схожим с этим по звучанию.

Согласно преданию, записанному около 1400 года до н. э., Нарам-Син, четвертый царь из аккадской династии Саргонидов (ок. 2200 года до н. э.), воевал против союза 17 царей, в числе которых был и царь Хатти по имени Памба. В ту же коалицию входил царь Амурру (страны амореев), чье имя – Хуварува – относится, по мнению некоторых исследователей, к «иероглифическому» языку. Это позволяет предположить, что к тому времени на территории расселения хатти уже присутствовала, хотя и не господствовала, по меньшей мере одна группа индоевропейских пришельцев. Однако этимология имени «Хуварува» вызывает сомнения, так как вероятность того, что древнейшим в Анатолии районом расселения индоевропейцев была страна Амурру, весьма невелика. Более того, ко всему тексту в целом следует подходить с осторожностью. Война Нарам-Сина с союзом мятежных царей – исторический факт, зафиксированный в одной из надписей самого этого правителя. Но и этот, и другие эпизоды, связанные с династией Саргонидов, со временем обросли легендами и во многом утратили достоверность. Другой вариант того же предания содержится в вавилонской табличке, датированной около 1700 года до н. э., и имена в двух этих версиях не совпадают. Поэтому данный текст, как и другие, подобные ему, не может считаться надежным историческим документом.

Надежно документированная история Анатолии начинается около 1900 года н. э., когда в этой области впервые появились ассирийские купцы. К тому времени жители Ашшура уже были знакомы с вавилонской клинописью. В нескольких местах найдены большие архивы глиняных табличек с деловой перепиской, которую эти ассирийские купцы вели со своими столчными партнерами; больше всего таких табличек сохранилось в Кюльтепе (древний Каниш), неподалеку от Кайсери. Некоторые из множества неассирийских имен, фигурирующих в этих документах, можно интерпретировать как хеттские. При всей своей скудости эти свидетельства позволяют довольно уверенно предполагать, что к тому периоду хетты уже обосновались в данной местности.

О коренном населении и его истории ассирийские таблички сообщают не так уж много. Но все же в них упоминаются местные правители и их дворцы. Кроме того, из них явствует, что страна была разделена по меньшей мере на десять мелких княжеств, главным из которых первоначально был, по-видимому, город Бурушхатум (хеттское название – Бурусханда), так как его правителя, в отличие от других, именуют «великим царем». Лишь немногие из местных царей известны нам по именам. Но, к счастью, удалось восстановить три таблички, в которых упоминаются некий Питхана и его сын Анитта – исторические лица, фигурирующие также в одном весьма примечательном хеттском тексте, список которого, сохранившийся до наших дней, датируется приблизительно 1300 годом до н. э. Это тот самый Анитта, сын Питханы, царь Куссара, который якобы собственноручно записал рассказ о том, как он сам и его отец боролись за власть с другими местными городами-государствами – Несой, Цалпой, Бурусхандой, Салативарой и Хатти (Хаттуса). Города эти были покорены, а последний из них (по другим документам, широко известный как столица Хеттского царства) разрушен до основания и объявлен проклятым. Восторжествовав над соперниками, царь Анитта перенес свою резиденцию в Несу. Точное местонахождение этого и прочих перечисленных городов (за исключением Хатти) нам неизвестно, но можно с достаточной уверенностью утверждать, что к концу своего царствования Анитта правил почти всей территорией Каппадокийского плато.

Естественно было бы предположить, что надпись Анитты – всего лишь поздняя копия записи, сделанной самим царем. Но эта гипотеза ведет к серьезным затруднениям. Дело в том,

что хеттская клинопись не имеет ничего общего с клинописью ассирийских купцов, из чего приходится заключить, что хетты заимствовали свою письменность из неизвестного нам источника уже после ухода ассирийцев. Следовательно,

Анитта – современник ассирийцев – едва ли мог писать на «клинописном хеттском» языке, с которым в то время хетты еще не были знакомы. В таком случае возникает вопрос: на каком же языке он писал? Столь изысканные тексты, как надпись Анитты, не возникают вне развитого литературного контекста. Но до сих пор археологам не удалось обнаружить в Анатолии ни одного образца царской надписи, относящейся к тому периоду. Выдвигалось предположение, что мы лишились литературных текстов, которые записывались на каком-то непрочном материале (к примеру, на дереве) хеттскими иероглифами. Но поскольку древнейшие из дошедших до нас иероглифических записей чрезвычайно лаконичны и сухи, существование подобной литературы в тот ранний период представляется маловероятным, несмотря даже на то, что «писцы по дереву» часто упоминаются в более поздних хеттских текстах. Возможно, в ходе дальнейших раскопок обнаружатся свидетельства в пользу гипотезы о том, что местные цари делали записи на аккадском языке, и тогда можно будет предположить, что имеющаяся в нашем распоряжении надпись Анитты – это перевод с аккадского. Но пока что более правдоподобной представляется другая версия, гласящая, что деяния Анитты вошли в легенду, которая впоследствии была записана в форме поддельной «царской надписи». Во всяком случае, утверждение о том, что Анитта получил в дань от Бурусханды такие крупные железные предметы, как скипетр и трон, выглядит явным анахронизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.